

[Рец. на: / Review of:] N. Palliwoda, V. Sauer, S. Sauermilch (Hg.). *Politische Grenzen — sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdiagnostische Perspektiven im deutschsprachigen Raum* [Политические границы — языковые границы? Перспективы лингвогеографии и диалектологии восприятия в немецкоязычном пространстве]. Berlin: Walter de Gruyter, 2019. 254 S. ISBN 978-3-11-056872-1.

Андрей Николаевич Соболев

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
sobolev@staff.uni-marburg.de

Andrey N. Sobolev

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, Russia;
sobolev@staff.uni-marburg.de

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.147-154

В рецензируемом издании, как сообщает **предисловие** (с. 1–8), написанное тремя со-редакторами (Николь Палливода, Ферена Зауэр, Штефани Зауэрмилх / Nicole Palliwoda, Verena Sauer, Stephanie Sauermilch), публикуются доработанные и расширенные материалы проведенной в марте 2017 г. в Техническом университете Дрездена конференции, поставившей цель «объединить друг с другом традиционные и новые исследовательские перспективы» в области лингвогеографии и диалектологии восприятия в немецкоязычном пространстве, прежде всего — на внешних политических границах Германии и вдоль просуществовавшей 40 лет бывшей непроницаемой границы между ГДР и ФРГ. Исследование диалектных явлений в их ареальной дистрибуции и взаимного — объективного и субъективного — разграничения диалектов, в т. ч. в приграничном политическом пространстве, издавна занимает в германистике важное место, причем наблюдения разных ученых нередко приводят к различным результатам и противоположным выводам. Например, дивергентное развитие частей ранее единого диалекта, оказавшегося по разные стороны политической границы, бесспорно наблюдается между Германией и Нидерландами, но нет согласия в вопросе, стала ли бывшая внутригерманская граница между Тюрингией и Баварией также и языковой. При этом в германистике господствует мнение о том, что «восприятие информантов влияет на атрибуцию речи одному или другому диалекту» (нем. Sprachverortung) и отражает воздействие со стороны границ (с. 2). В любом случае исследование этих феноменов позволяет постигнуть сущность языковых изменений и контактов, и в частности ответить на вопросы о том, «какие процессы языковых изменений характерны для немецкоязычного пространства, как развивались в нем лингвогеографические структуры и какие структуры восприятия диалектов выводятся из него» (с. 2). Таким образом, публикуемые работы относятся к таким частным дисциплинам, как лингвогеография (исследование воздействия политических границ на изоглоссы на всех языковых уровнях), диалектология восприятия (ментальные карты, аудиотесты, оценочные суждения носителей диалектов), изучение процессов конвергенции и дивергенции (с учетом формирования и функционирования регионов), исследование языковых контактов и многоязычия (с учетом использования разных форм немецкого языка). Статьи сборника, написанные преимущественно молодыми учеными и представляемые далее в рецензии с существенно различной степенью детальности, рассматривают феномен приграничного региона/пространства с точки зрения каждой из этих дисциплин (с. 3).

Кристоф Пуршке (Christoph Purschke) из Люксембургского университета в теоретической статье «От речи к языку. О вариационно-лингвистической практике отграничения» (с. 9–29) помещает на передний план такие культурные конструкторы, как «граница»

и «язык». Автор различает практику разграничения сущностей в науке и в повседневной жизни. Соответственно, в предложенной им вариационно-лингвистической модели различаются системно-языковые (нем. *linguistisch-systemische*) и индивидуально-субъективные (нем. *individuell-subjektive*) границы. Первые «обозначают противопоставления между вариативными сущностями, в разной степени нормативными для различных групп людей и демонстрирующими каждая свой узус. Как таковые они суть дериваты специфических конфигураций признаков, норм и ситуаций, а также специфических образцов языковой структуры, языковой отнесенности и узуса» (с. 23). Вторые «обозначают противопоставления между сущностями, перцептивно различными для говорящих и отражающими ситуативно значимые и приемлемые во взаимодействии способы говорения. Как таковые они суть дериваты специфических интерпретаций признаков, норм и ситуаций, а также специфических образцов языковой компетенции, языковой оценки и понимания языка в практике» (с. 25). В повседневной жизни мы имеем дело с «индикаторами границы», тогда как в науке — с «признаками границы» (с. 26). Нужно признать, что автор довольно удачно помещает свою теоретическую антропологическую модель в контекст актуальной для западной науки общенаучной дискуссии о феномене границы.

Том Смитс (Tom F. H. Smits) из Антверпенского университета в обобщающей статье «**Приграничные диалекты немецкого языка**» (с. 31–45), делает попытку рассмотреть различные контактные ареалы немецкого языкового пространства, совпадающие ныне или совпадавшие ранее с политическими, преимущественно государственными, границами. В центре внимания автора, работающего в жанре «вариационной лингвистики», находится воздействие границ на региональные языки в пограничье с Данией, Нидерландами, Бельгией, Люксембургом, Францией, Швейцарией, Лихтенштейном, Италией, Австрией, Словенией, Венгрией, Словакией, Чехией и Польшей. Библиография в 145 единиц к 14-страничной статье уже сама по себе обладает большой ценностью, но не менее ценно и компактное аналитическое, корректно оформленное представление основных идей и наблюдений предшественников. Исследование взаимоотношений между политическими и лингвистическими границами стало одним из ключевых тематических вопросов современной диалектологии, утверждается в статье. Территориализирующие, национально-государственные представления объявляются отброшенными, хотя отмечается, что уже «старая» диалектология доказала тот факт, что диалектные ареалы не останавливаются перед политическими границами. «Новая», «актуальная» диалектология, утверждает Смитс, интересуется «социально-прагматическими», междисциплинарными, внеязыковыми явлениями и даже мнениями непросвещенных носителей языка (нем. *laikale Perspektiven*) (с. 31). Автор полагает, что обособление нового направления исследований, т. е. «новой» диалектологии пограничья (нем. *Grenzdialektologie*), вызвано динамикой развития местных языковых вариантов в связи с «синхронизирующими макропроцессами в обществе», а также с политическими, культурными, экономическими и образовательными различиями между странами. «Старую» диалектологию пограничья, по Смитсу, интересовали преимущественно языковые и диалектные границы (изоглоссы) в контексте этнологии, социолингвистики, контактной и конфликтной лингвистики, исторического языкознания и проч. в их исторической изменчивости и подвижности (с. 32). Полезно противопоставление **горизонтальных** и **вертикальных** контактных явлений: во втором случае имеют место «стандартизирующие изменения», при которых диалект «сближается с точки зрения диастратической структуры со стандартным языком», т. е. **адвергирует** (с. 33), в первом случае — изменения при междиалектном взаимодействии. Вертикальные явления начинают доминировать там, где ранее в течение столетий динамику развития диалектов определяли их соседи. При этом особый интерес вызывают ситуации, в которых один и тот же диалект испытывает воздействие различных стандартных языков. Что касается феномена границы, то он двусторонен в том смысле, что представляет собой и «реальные факты» (англ. *facts on the ground*), и «дискурсивные артефакты» (англ. *artifacts of dominant discursive processes*)»

непросвещенных носителей, конструирующих инаковость «других» по ту сторону границы по сравнению с собственной социальной группой (с. 33). Смитс различает границы со сменой диасистемы, или стандартного языка (напр., Дания, Нидерланды) и без таковой (напр., Швейцария, Лихтенштейн, Австрия). По нашему мнению, в первом случае полезно было бы различать между собой ситуации с германскими и негерманскими стандартными языками. Важно также различать границы, препятствующие мобильности и коммуникации между группами населения, и границы, таковым препятствием не являющиеся. В целом обилие и разнообразие немецких приграничных языковых ситуаций объясняется центральной позицией этого языка в Европе, а также одной из самых протяженных на континенте границей с соседними языками. Для изучения важны как ситуации, в которых языковые варианты предшествуют границе, а не являются ее следствием, так и обратные случаи. Примером второго случая служит, например, государственная граница с Нидерландами, где еще в 1970-х гг. отнесение языка местного населения к немецкому или нидерландскому основывалось не на лингвистических, но на социальных и политических факторах. Ныне эта граница обретает ясные структурные признаки и на уровне локальных говоров, в которые проникают признаки нидерландского или немецкого (суб)стандарта, в т. ч. региолекта. Параллельно ослабляются трансграничные брачные и семейные связи; при контактах местные говоры более не используются. Ориентации жителей пограничья прямо противоположные: тогда как одни «смотрят на Берлин, Мюнхен и Рейнскую область», другие — на Рандстад. Диалектная компетенция говорящих на германской стороне существенно скромнее, чем на нидерландской, где ситуация еще может быть квалифицирована как *диаглоссия* с диастратегическими признаками адвергенции и конвергенции (с. 35–36), т. е. диалекты здесь продолжают бытовать в социально детерминированных вариантах, приближаясь к стандартному языку и уподобляясь друг другу. Германско-швейцарскую границу также характеризуют «диаглоссия с исчезающим употреблением диалекта на восточной стороне и диглоссия с воспринимаемым как “чужой” высоким вариантом (т. е. стандартным немецким языком — А. С.) — на западной». «На основании этого различия наивными носителями политическая граница расценивается уже как языковая», что усилено взаимным влиянием диалектов на территории Германии и горизонтальным диалектным выравниванием в немецкоязычной Швейцарии. Так, распространенный в Германии претерит *waar* ‘был’ (лит. нем. *war*) оказывается «чисто германским новообразованием» на фоне швейцарского перфекта с причастием *gsii* (лит. нем. *gewesen*) (с. 41). В отдельных ситуациях наблюдаются процессы формирования региональных койне. В статье Смитса исключены из рассмотрения фризский, ретороманский и лужицко-сербский контактные ареалы, а также внутришвейцарская французско-немецкая языковая граница (с. 34). Беглый разбор полутора десятков языковых ситуаций приводит к обобщению: «Языковая гетерогенность в диалектологически родственных или единых областях, пересекаемых институциональными границами, возрастает вследствие горизонтальной дивергенции, что в конечном итоге консолидирует эти политические границы в качестве регионально-языковых». Эта дивергенция носит не только структурно-лингвистический характер, но и потенциально — прагматический, социолингвистический и субъективно-оценочный. В частности, бывшая граница между ГДР и ФРГ «продолжает существовать как разграничительная линия в головах немцев». «Во многих случаях не сами политические границы являются источником силы, создающей границы языковые; языковые изменения вызваны иными причинами» (с. 43). Автор отмечает нехватку исследований приграничных ситуаций на востоке, где Германия и Австрия граничат со славянскими государствами и с Венгрией. Существенным недостатком статьи является краткость и неполная сопоставимость обзоров конкретных ситуаций, отсутствие глубокой исторической перспективы и, соответственно, надежной исторической типологии изменявшихся во времени границ немецкого языка и политических границ населенных его носителями стран и земель.

Штеффен Хёдер (Steffen Höder) из Кильского университета обращается к теме **«Германско-датская граница 1920-го года как цезура»** (с. 55–76). В центре внимания находятся изменения в датском языке Южного Шлезвига (принадлежит Германии) и в немецком языке Северного Шлезвига, или Южной Ютландии (принадлежит Дании) с учетом изменчивости репертуара диалектных (южноютских датских и шлезвигских нижненемецких), а также региональных и стандартных языковых вариантов в этом «традиционно многоязычном транснациональном коммуникативном пространстве» (с. 55). Уже для Средних веков и Нового времени невозможно говорить о границе между датским и немецким языками в Шлезвиге, так как, например, немецкий использовался и на севере региона аристократией и городской буржуазией, а также в таких сферах, как юриспруденция и администрирование, тогда как датский — и на юге в церковной сфере. Речь, скорее, следует вести о зоне языковых контактов как с диглоссией, так и с билингвизмом части населения, при выборе языка коммуникации руководствующегося прагматическими мотивами (с. 57). С 1955 г. оба государства, в соответствии с так наз. *Gesinnungsprinzip* (принципом убеждения), признают в качестве этнического меньшинства на своей территории «того, кто желает быть таковым» (с. 60), что привело к индивидуализации и институционализации (через организации меньшинства) выбора того или иного языка (в его стандартной и региональной форме) при общении (с. 61). «Парадоксальным образом, именно вследствие проведения границы и этим обусловленного возникновения национального меньшинства возникает новая форма регионального двуязычия» (с. 72). Что касается собственно датского диалекта, то его на территории Германии более практически не существует. С другой стороны, нижненемецкий диалект вытесняется близким к стандарту разговорным «севернонемецким» языком (с. 62). Далее представлены, в т. ч. на наглядных графиках, репертуары языковых вариантов региона и многочисленные различные сценарии использования и смены языков до и после 1920 г., в континууме от утраты языка (нем. *substitutiver Sprachwechsel*) до добавления языка (нем. *additiver Sprachwechsel*). Теоретическая модель заимствована из хорошо известных трудов Петера Ауэра 2010-х гг. (см., например, [Auer 2011]) и в основе близка к разработкам русских диалектологов-структуралистов 1960-х гг. В этой части статьи в рассмотрение включен севернофризский язык.

Забрина Голль (Sabrina Goll), также из Кильского университета, озаглавила свой текст **«Методы диалектологического исследования в приграничном регионе»** (с. 77–98). Как и автор предыдущей статьи, Голль интересуется прежде всего особой методологией, соответствующей комплексности и сложности объекта изучения, каковым является особая форма датского языка — миноритарный идиом Южного Шлезвига, структурно измененный в контакте и не являющийся диалектом в традиционном смысле. Носители выучивают эту форму датского языка наряду со стандартной в качестве второго языка в детских садах и школах культурных союзов датского меньшинства, тогда как в роли языка семейного общения выступает немецкий (с. 78). Автор методом непрямого опроса в ходе диссертационного исследования получил сведения об узусе, закреплённости и ареальном распространении специфических южношлезвигских структур. Этот языковой вариант функционирует и как признак принадлежности к особой группе, и, среди молодежи, как способ противостоять давлению датской нормы, преподаваемой в школе. В этой статье, как и в предыдущей, применена теоретическая модель Петера Ауэра, позволяющая в общих чертах определить место изучаемой языковой формы в континууме «диалект — стандарт» и сделать вывод о том, что «южношлезвигский датский язык не является диалектом», но «ведет себя как таковой» (с. 79). Прежде всего он демонстрирует не хаотичную и индивидуальную для каждого говорящего, но регулярную дивергенцию по отношению к датскому стандарту. Самый «нижний» относительно стандарта языковой вариант, или «слой» датского языка в Южном Шлезвиге можно считать региолектом (с. 82). Гетерогенный южношлезвигский региолект исследуется количественно на предмет обнаружения его специфических структур (составляется вопросник, отражающий его гипотетическую структуру), их частотности, географической распространенности и дистрибуции по поколениям говорящих (с. 83).

Работа опирается на методологию изучения синтаксиса гессенских, а также нижненемецких диалектов, разработанную в 2000-е гг. В вопросник вошли 29 морфологических и синтаксических конструкций, связанных с категориями посессивности, атрибутивности, определенности, времени, модальности и проч., а также с порядком слов (с. 85). Два «ранда» исследования включали в себя задания «выбрать вариант», «перевести», «сложить пазл/мозаику», «прокомментировать изображения», «рассказать о вчерашнем дне»; две трети материала получены применением двух заданий, что позволило проверить приемлемость и активность использования конструкций (с. 86). Поскольку южношлезвигский датский — несфокусированная, диффузная языковая система, не воспринимаемая носителями в качестве особой языковой формы, постольку невозможен вопрос «Как это сказать на вашем диалекте?» и приходится тщательно продумывать профиль информанта, выбор языкового стимула и лингвоним (с. 87). Информантов обычно принято отбирать среди лиц, обладающих диалектными компетенциями, т. е. местных жителей старшего возраста, проживающих вне крупных городов, представителей типичных местных профессий. Но, с учетом локальной социолингвистической ситуации, автор находит таковых среди местных жителей любого возраста, пола и профессии и не обязательно из сельской местности (в частности, поскольку именно молодежь говорит на южношлезвигском датском, а организации датского меньшинства расположены именно в городах); однако они должны быть двуязычными и «принадлежать к датскому национальному меньшинству» — два последних факта устанавливаются анкетированием (с. 88–91). Во избежание стимулов, влияющих на результат в направлении высокопрестижного стандартного датского языка, а также по причине отсутствия орфографических правил для записи южношлезвигского региолекта, автор избирает для стимула стандартный немецкий язык (93). Чтобы избежать использования лингвонима при анкетировании, информантов просили отметить в распечатанном опросном листе те из приведенных построений (записанных стандартной датской орфографией), которые, по их мнению, мог бы произнести житель Южного Шлезвиг или они сами (с. 95). Остается, собственно, дожидаться лингвистических результатов предпринимаемого г-жой Голль исследования, которое, как нетрудно заметить, поддерживая гипотезу о существовании особого датского региолекта Северной Германии, не обращается к таким важным его уровням, как фонетика и лексика.

Статья Хельмута Шпикерманна (Helmut H. Spiekermann), представляющего Мюнстерский университет, названа «**Пересечение границы с внутренней ее стороны. Нидерландские стереотипы в Эмсланде и в графстве Бентхайм**» (с. 99–120). Нижнесаксонские диалекты, на которых говорят по обе стороны германско-нидерландской границы и которые представляют собой исторически единый диалектный континуум, перекрытый двумя стандартными языками, исследованы в статье с помощью локализации образцов речи, ментальных карт и метаязыковых комментариев. Один из разделов статьи посвящен основным положениям «диалектологии восприятия» (англ. *perceptual dialectology*), развиваемой в США и Западной Европе уже около трех десятилетий. Наряду с другими, активно используется метод идентификации диалектных данных наивными носителями, которым предлагается прослушать, охарактеризовать и локализовать аутентичную диалектную речь, а также назвать соответствующий диалект. Метаязыковые комментарии информантов, а также «ментальные карты», отражающие географические ареалы говоров, воспринимаемых информантами как сходные или несходные, дополняют методологию подхода (с. 101). К старому наблюдению о том, что говорящие воспринимают политическую границу и как языковую тоже и что объективно структурно сходные диалекты воспринимаются и оцениваются разными информантами существенно по-разному, автор добавляет то новое, что образцы речи на соседнем немецком диалекте могут немецкими же говорящими квалифицироваться как речь «с нидерландской стороны границы» или, напротив, что образцы речи «с той стороны границы» могут восприниматься как немецкие (т. е. граница выступает в качестве перцептивного барьера). Достоинством статьи является большое количество иллюстраций, наглядно отражающих конкретные

результаты анкетирования в четырех населенных пунктах с германской стороны границы (минимум 12 информантов в каждом пункте).

Эвелин Кох и Райнер Хюнеке (Evelyn Koch, Rainer Hünecke) из Дрезденского университета — авторы статьи «**Erdäpfel ‘яблоки’ vs. Ardäbbel ‘яблоки’ — спектры языковых слоев и восприятие изоглосс в регионе Западных Рудных гор и Фогтландском округе**» (с. 121–142). Двухслойное интервьюирование с учетом истории семейств позволило установить, что описанные в литературе изоглоссы, разграничивающие два региона и отграничивающие их от соседних, еще сохраняются в достаточной мере.

Следующая статья, «**Опыт и стереотип на эльзасско-баденской границе — представления другого и их нарративные переработки**» (с. 143–178), написана Мартином Пфайффером и Петером Ауэром (Martin Pfeiffer, Peter Auer) из Фрайбургского университета. Изучено отношение носителей алеманнских диалектов к речи, бытующей по обе стороны Рейна, как с германской, так и с французской стороны; особое внимание уделено вопросу о том, какова роль именно этого отношения в формировании здесь диалектной границы. Рассказы информантов о лично пережитом опыте в связи с границей, в т. ч. при поездках за покупками, открывают доступ к стереотипам и, в частности, к пониманию взаимных нелестных характеристик, которые эльзасцы и баденцы дают друг другу несмотря на всем известные правила политической корректности. Общение, констатируют авторы, стало в целом «затруднительным» (нем. *prekär*). В частности, они отмечают, что одноязычным баденцам, немцам, трудно понять очевидные для двуязычных эльзасцев, французов, представления о своем языке как «самостоятельном региональном языке Франции» (с. 143); о том, что с незнакомыми людьми, в т. ч. с баденцами, предпочтительно говорить по-французски (с. 152), тогда как между собой — на диалекте, т. е., в представлении баденцев, «по-немецки» (с. 154, 155) и мн. др. Эта статья единственная из всех в книге содержит многочисленные профессионально выполненные транскрипции фрагментов интервью, каждый из которых авторы истолковывают с точки зрения теории коммуникации. С точки зрения методологии работы важно то обстоятельство, что интервьюеры были «с той же стороны Рейна», что и информанты, т. е. воспринимались как члены «своего сообщества» (с. 144).

Ларс Бюлов (Lars Bülow) из Зальцбургского университета и Андреа Клеене (Andrea Kleene) из Университета Южной Дании публикуют статью «**Синхронизация и языковая динамика в германско-австрийском приграничном пространстве**» (с. 179–205). Статья Маркуса Кунцмана (Markus Kunzmann) из Мюнхенского университета носит название «**Интерференция между стандартным языком и диалектом и перспективы баварско-зальцбургского пограничного региона**» (с. 207–225).

Наконец, Кристиан Шварц (Christian Schwarz) из Берлинского университета им. Гумбольдта является автором статьи «**Влияние германско-швейцарской границы на алеманнский диалектный континуум**» (с. 227–248). В приграничном рейнском регионе в районе Базеля по обе стороны швейцарско-германской границы были обследованы фонологические признаки бытующих здесь верхнеалеманнских говоров и субъективное восприятие информантами диалектной ситуации (т. е. произведено «ментальное картографирование»), были осуществлены дискурсивный анализ представлений информантов о «другом» и документирование лингвистических ландшафтов. Старый диалектный континуум, подтвержденный помимо прочего целенаправленными диалектологическими изысканиями 1926 года, ныне однозначно «превратился в дисконтинуум», в котором швейцарская сторона характеризуется языковой ситуацией диглоссии, а германская — диаглоссии (с. 228). Тогда как говорящие с германской стороны тяготеют к стандартноязыковым реализациям в ущерб диалектным, со стороны швейцарской диалект не просто остается стабильным, но продолжает дивергировать относительно нормы (с. 232). В статье на материале интервьюирования (от 40 до 120 мин.) полутора десятков информантов из четырех германских и трех швейцарских населенных пунктов документируется ныне существующий уровень германско-швейцарской дивергенции. Например, алеманнские рефлексy инициального

k- (*Chind* ‘ребенок’) и средневерхненемецких *i*, *iu*, *û* (*Ziit* ‘время’), а также «палатализация» (*fescht* ‘прочно’) характерны для швейцарской стороны, тогда как на германской они практически полностью исчезли (с. 238). В отличие от результатов, полученных авторами иных статей рецензируемого сборника, ментальные карты в регионе Базеля показывают, что информанты не воспринимают политическую границу в качестве языковой (с. 239–240). Но так же, как и в баденско-эльзасском пограничье, здесь распространены стереотипы о немцах как «шумных и прямолинейных» и швейцарцах как «заносчивых» и «высокомерных» (с. 242–243). Наконец, со швейцарской стороны границы констатируется гораздо большее присутствие диалектных форм в надписях в общественном пространстве, а именно в объявлениях коммунальных служб и в рекламе (с. 243).

Всем трем редакторам принадлежит заключительный раздел издания, названный «**Политические границы — языковые границы? Резюме**» (с. 249–253) и обобщающий основные положения статей (таким образом, редакторы сборника являются авторами только предисловия и заключения). Однозначного ответа на поставленный в заглавии книги вопрос у авторов нет (с. 249). Однако резюме завершается словами, опубликованными Петером Ауэром еще в 2004 году [Auer 2004: 177]: «Дивергенция на государственных границах не является (...) следствием политических барьеров, препятствующих перемещению и общению [нем. *verkehrsbehindernd*], как полагала старая диалектология, но следствием когнитивного структурирования диатопики, которое упорядочивает и регламентирует языковую гетерогенность по национальному идеологическому образцу. Не политическая граница создает языковой ареал, а представление о языковом ареале создает диалектную границу» (с. 252). Дальнейшие исследования приграничных ситуаций с участием немецкого языка, в т. ч. в Швейцарии и Италии, а тем более выход за пределы германистики и обращение к языковым и политическим границам в Западной и Восточной Европе и на Балканах позволят проверить на ином материале тезис о территориальной вариативности в языке как представлении говорящих. Предварительно отметим, что уже наблюдения К. Шварца над швейцарско-германским приграничным «дисконтинуумом», опубликованные в рецензируемом сборнике, заставляют с осторожностью отнестись к этому обобщению.

Том завершается указателем лингвистических терминов (с. 253–254), настолько неполным, что смысл его составления остался рецензенту непонятен. Опечатки в книге отсутствуют. Качество печати и иллюстраций превосходное.

В заключение можно посетовать на то, что многим молодым авторам не удалось избежать чисто риторического противопоставления «нового» «старому»; что некоторые статьи представляют собой скорее заявки на предстоящее исследование, чем новый аутентичный материал и результаты; что внутрилингвистическая проблематика в большинстве работ явно уступает место внешней; что лишь в редких работах полно использован аппарат немецкой лингвогеографии начиная с фундаментальных трудов Венкера [Lameli et al. 2010]; что германско-славянская проблематика осталась в сборнике без внимания; что новые «антропологические» методы исследования не всегда позволяют получить количественно релевантную информацию и не выходят за рамки «экспертного мнения»; что корреляция между результатами, полученными различными методами, оставляет желать лучшего и что синтетическое представление об объекте исследования еще далеко впереди. Все вместе это говорит об ограниченности как используемых в работе методов, так и полученных результатов. Огорчительнее всего, что молодые немецкие диалектологи лишь в виде единичных исключений создают такие бесценные источники первичной информации о языке, как массивные корпуса диалектных текстов. Видимо, трудоемкость этой долгосрочной задачи превосходит возможности нынешней «проектно-ориентированной» западноевропейской университетской гуманитарной науки. Но эти критические соображения никоим образом не отменяют общего впечатления от книги как достаточно инновационного, методологически разнообразного и в целом корректного шага вперед в «диалектологии пограничья».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Auer 2004 — Auer P. Sprache, Grenze, Raum. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2004, 2(23): 149–179.
<http://paul.igl.uni-freiburg.de/auer/userfiles/downloads/Sprache%20Grenze%20Raum%20Auer%20zfs.w.2004.23.2.149.pdf>
- Auer 2011 — Auer P. Dialect vs. standard: A typology of scenarios in Europe. *The languages and linguistics of Europe. A comprehensive guide*. Kortmann B., van der Auwera J. (eds.). Berlin: de Gruyter, 2011, 485–500.
- Lameli et al. 2010 — Lameli A., Kehrein R., Rabanus S. (eds.). *Language and space. Language mapping. An international handbook of linguistic variation*. Vols. I–II. Berlin: Walter de Gruyter, 2010.

Получено / received 09.01.2020

Принято / accepted 07.04.2020